

РАЗДЕЛ II. НАЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ МИРА В ЛИТЕРАТУРЕ

*ББК Ш5(2=Р)
УДК 821.161.1*

М. Л. Бедрикова¹

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
mlbedrikova@gmail.com*

О МИССИИ ПОКОЛЕНИЯ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ КОНЦА XIX– НАЧАЛА XX ВВ. (М. ГОРЬКИЙ «ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА»)

Статья посвящена актуальной в отечественном литературоведении XX–XXI вв. проблеме – нового прочтения итогового произведения классика русской литературы XX в. М. Горького «Жизнь Клима Самгина». Воссоздание «хода» русской истории позволило писателю изобразить русский мир на рубеже XIX–XX вв. в его цельности и осмыслить роль интеллигенции в истории России. Объект анализа – эпопея М. Горького «Жизнь Клима Самгина (Сорок лет)» (1927– 1936). Анализ проводится в аспекте: «миссия» русской интеллигенции рубежа веков в изображении М. Горького, осознание молодым поколением собственной исторической роли в революционную эпоху. Автор статьи выдвигает гипотезу: рефлексирующий тип героя-интеллигента Самгина диктовал М. Горькому особый способ повествования и принципы организации произведения «Жизнь Клима Самгина»: книжность, интертекстуальные приемы. Через восприятие Самгина читатель может наблюдать за трансформацией, эволюцией идей персонажей. Повествуя о жизни двадцатипятилетнего студента Самгина, писатель воспроизводит дискуссии в интеллигентном окружении. Образ интеллигенции предстает в контексте высказываний различных персонажей на политические, социальные, этические и эстетические темы времени; размышлений об истории, культуре прошлого – от источников (фольклор, миф) до эпохи рубежа XIX–начала XX вв. Идея будущего рождается в ходе горячих споров о народном счастье,

---

¹ Бедрикова Майя Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языковедения и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

М. Л. Бедрикова

судьбе России, о миссии русской интеллигенции в подготовке и свершении революции. Методология статьи: автор использует в комплексе биографический, историко-литературный и типологический методы в сочетании с методами изучения интертекстуальных связей.

Ключевые слова: русская литература XX века, М. Горький, «Жизнь Клим Самгина», русская интеллигенция.

Введение. На рубеже XX–XXI вв. в отечественном литературоведении заметно вырос интерес к художественному наследию М. Горького – классика русской советской литературы конца XIX – первой трети XX вв. [11]; [12]; [13]; [14]; [15]. В 2018 г. мировая общественность отметила 150-летие со дня рождения великого писателя. Была издана коллективная монография «Максим Горький: pro et contra, антология» [10]. Полагаем, внимание к личности и произведениям М. Горького связано с неослабевающим интересом исследователей (литературоведов, философов, историков) – к непреходящим гуманистическим ценностям, отразившимся в «широкой панораме русской жизни», какой явилась «Жизнь Клим Самгина» (Сорок лет)». Автор эпопеи «Жизнь Клим Самгина» (авторское обозначение произведения – «повесть»), создавший целую типологию образов интеллигентов, затрагивал вопрос о «миссии» поколений молодежи. В процессе широкого изображения российской действительности – последней трети XIX – начала XX вв. – М. Горький обратился к проблемам: «личность и история», роль молодого поколения интеллигенции в подготовке русской революции на рубеже XIX–XX вв. Вопрос о значении русской революции 1917 г., который волновал М. Горького в его гениальном творении, актуален и в наши дни. В начале XXI века – в свете отмечаемого общественностью события, 100-летия русской революции 1917 года, – эпопея «Жизнь Клим Самгина (Сорок лет)» вновь привлекает внимание читателей и исследователей. В настоящее время не утратил научного значения, своей актуальности комментарий эпопеи, выполненный в конце 1970-х годов коллективом отечественных литературоведов, среди которых Н. Н. Жегалов, И. И. Вайнберг, М. М. Пешкова, М. А. Семашкина, А. Д. Смирнова, И. И. Соколова, В. Ю. Троицкий [5], [6]; [7]. Ученые опирались на предшествующий опыт горьковедения: «использован фундаментальный научный аппарат, работа над которым велась под руководством проф. А. И. Овчаренко [5]. Цель данной работы: анализ особенностей

изображения образа русской интеллигенции на рубеже XIX–XX вв. в эпопее «Жизнь Клима Самгина (Сорок лет)» – в свете художественного осмысления М. Горьким «миссии» молодого поколения интеллигенции в истории России [5].

1. Характеристика исследования. М. Горький начал работу над повестью «Жизнь Клима Самгина (Сорок лет)», имея за плечами значительный опыт творческого и жизненного пути (60 лет жизни). Этот уникальный опыт осмысления писателем проблем российской действительности и его непосредственное участие в исторических событиях рубежа веков, впечатления от общения с выдающимися личностями эпохи – все пережитое, прочувствованное определило содержание итогового произведения. До «Жизни Клима Самгина» М. Горьким были уже созданы гениальные творения в драматургии, такие как «На дне», «Васса Железнова», прозаические произведения (повести «Лето», «Городок Окуров», 1909; роман «Жизнь Матвея Кожемякина» (1910–1911)). В своем творчестве писатель неизменно сосредоточен на постижении национального характера. Среди многих русских типов, изображенных в предшествующий период (1892–1927), автором выделен тип русского интеллигента. Черты этого горьковского типа обнаруживаются уже в самых ранних рассказах (образ «проходящего», молодого человека, впитывающего мировую культуру через чтение книг, самообразование, познание народной жизни). Конечно, в образе «слушателя» из романтических рассказов угадываются черты автобиографические – самого Алексея Пешкова, будущего писателя М. Горького. В последующих произведениях М. Горький создает «портретный» образ молодого поколения, изображая представителей разных поколений интеллигенции конца XX века, их психологию, постигая историческое значение каждого поколения. В данной работе мы будем использовать определение «миссия поколения», имея в виду роль молодого поколения интеллигентов в истории России на рубеже XIX–XX вв. В наиболее «концентрированной», полемически «заостренной» форме размышления М. Горького о событиях революционной эпохи, его видение «исторического момента», анализ политических проблем отразились в публицистике «Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре» (статьи в газете «Новая жизнь», 1917–1918) [8]. В 1918 году М. Горький буквально взывает о спасении отечественной культуры, гибнущей в революционном водовороте, обращаясь при этом именно к русской интеллигенции – не к «передовому революционному классу», не к «крестьянству» – и требует от нее мужества: «Сеять «разумное, доброе, вечное» на зыбучих болотах

русских – дело необычайной трудности, и мы уже знаем, что посевы <...> дают на равнинах российских небогатые, печальные всходы. А, тем не менее, сеять надо, и *это дело интеллигента*, того самого, который ныне насильно отторгнут от жизни и даже объявлен врагом народа. Однако *именно он должен продолжать давно начатую им работу очищения и возрождения страны, ибо, кроме него, другой интеллектуальной силы – нет у нас*» [8, 257]. Как видим, несмотря на официальную концепцию интеллигенции (социального слоя), М. Горький в 1918 году совершенно отчетливо формулирует «миссию» русской интеллигенции именно как «класса» (не «элиты»), наряду с пролетариатом и крестьянством. В своей «Речи на Московском публичном собрании общества «Культура и свобода»» (июнь 1918) он обращается к интеллигенции, к которой всегда причислял самого себя: как «мозгу и сердцу нашей страны» [8, 257]. После 1917 года интеллигенция утратила свою ведущую роль. М. Горький отметил: интеллигент «ныне насильно отторгнут от жизни и даже объявлен врагом народа» [8, 257]. Верно: до революции интеллигенция являлась «вождем», ведущим классом, опорой общественного прогресса. М. Горький проговаривает: «отторгнута», то есть интеллигенция реально «низвергнута», сброшена с пьедестала революционерами (используя политическую революционную лексику – «народом», «рабоче-крестьянской трудящейся массой», «передовым революционным классом»). Писатель видел здоровые интеллектуальные силы – это, по меньшей мере, два поколения русской интеллигенции: 1) «одинока и отколота от всей массы трудящихся наша старая, каторжная интеллигенция – каторжная не потому только, что часть ее бывала на казенной каторге, а по всем условиям ее существования в России, по всей ее жизни и работе» [8, 258]; 2) «свежие силы рабоче-крестьянской интеллигенции». [8, 258] Изучая особенности изображения М. Горьким образа и «миссии» поколения русских интеллигентов рубежа XIX–XX вв., необходимо объяснить причину стойкого внимания автора к интеллигенции. Почему Горький не уделяет равного внимания пролетариату и крестьянству? Вспомним, что до 1917 года М. Горький уже глубоко постиг тему – роста сознания пролетариата как класса (роман «Мать»), писатель хорошо знал тип рабочего-революционера (образ Павла Власова). В упомянутой выше «Речи на Московском публичном собрании» писатель объективен в оценке «интеллектуального потенциала» представителей российского пролетариата. Крестьянство, по мнению М. Горького, генетически не революционно и не интеллектуально.

Автор «Речи» полемически заостряет проблему состояния русской культуры: «Спросят: а пролетариат, передовой революционный класс? А крестьянство? Я думаю, что нельзя сегодня серьезно говорить о всей массе пролетариата как о силе культурной, интеллектуальной <...> Пролетариат в массе его – только физическая сила, не более; точно так же и крестьянство. Иное дело, молодая исторически, рабочая и крестьянская интеллигенция, это, конечно, сила духовно-творческая и, как таковая, ныне она так же отколота от своей массы, так же одинока среди нее» [8, 257–258]. Интересно, что в следующем абзаце-тезисе «Речи» М. Горький, вводя новое определение «молодая исторически, рабочая и крестьянская интеллигенция», таким образом выделяя «новую генерацию» молодых интеллигентов, тем не менее строго не классифицирует существующие «типы» (хотя и говорит о «новых» и «старых»). Писателю важно, что у «новых» и «старых» сохранено главное – содержание, «ядро» – это образование и культура. Несмотря на «снижающую» оговорку – «так называемая интеллигенция» (увы, эта фраза все чаще звучала в послереволюционное время), – М. Горький ясно сформулировал концепцию и «миссию» русской интеллигенции: интеллигенция формируется из «людей, сознающих значение интеллектуального начала в историческом процессе. Эти люди, несмотря на все их недостатки, самое крупное, что создано Русью на протяжении всей ее трудной и уродливой истории, эти люди были и остаются поистине мозгом и сердцем нашей страны» [8, 257]. М. Горький объективен и самокритичен. Как отмечалось, писатель относил себя к интеллигенции, чувствовал и разделял с поколением «старой» интеллигенции огромную ответственность за происходящее в России, осознавал «недостатки», был готов «мужественно исполнять свой гражданский долг» [8, 257]. Идеи М. Горького о «миссии» интеллигенции в жизни общества актуализировались в 90-е годы XX в., когда прогрессивная отечественная интеллигенция подвергла рефлексии собственный опыт и уроки истории России в её «сложном историческом пути» за 70 лет: «...не так легко освободиться от старого в мыслях и действиях, утвердить новые структуры и формы общественного развития» (Вайнберг И.) [3, 49]. Десятилетием позже, в иной социокультурной ситуации начала нового тысячелетия – в 2001 году – в книге с симптоматичным названием «Русская литература XX века: После раскола» М. М. Голубков фиксирует «критерий» оценки роли личности в истории: «Отчужденный и неотчужденный от исторического времени человек – вот два полюса, два разнозаряженных магнита, созданные Горьким» [4, 162]. «Антигерои»,

по Голубкову: «заблудившиеся на перекрестках истории XX в.: Клим Самгин, Матвей Кожемякин, последнее, вырождающееся поколение Артамоновых» [4, 162]. К подлинным героям относятся Павел Власов и Пелагея Ниловна, автобиографический герой М. Горького в его трилогии «Детство», «В людях», «Мои университеты». Исследователь утверждает: «Между двумя этими полюсами и аккумулируется нравственно-этический и философский заряд концепции личности, предложенный литературе Горьким» [4, 162]. Полагаем, что для понимания «миссии» русской интеллигенции на рубеже XIX–XX вв. важно учитывать точку зрения Голубкова М.М.: о «почти мистической и непреодолимой человеческой волей зависимости» и «жесткой обусловленности» [4, 163] характера героя и его судьбы историческим временем.

1.1. Гипотеза. Создание художественного образа Клина Самгина позволяет М. Горькому достичь цели, то есть через изображение главного героя, воссоздание его психологии, особенностей мировидения данного типа интеллигента понять особенности мировоззрения целого поколения русских интеллигентов, понимание и осознание им собственной «миссии» на рубеже веков. Полагаем: тип рефлексирующего интеллигента Самгина обусловил особый способ авторского повествования и принципы организации создаваемого текста в эпопее «Жизнь Клина Самгина» – книжность, необыкновенную насыщенность повествования интертекстуальными приемами (цитаты, реминисценции, аллюзии и др.). Диалогизм – адекватная форма для создания и художественного осмысления автором процесса рождения идей (их последующих трансформаций, эволюции). М. Горький воссоздает уникальную атмосферу интеллектуальной среды, с характерной – непрерывной полемикой, напряженной внутренней интеллектуальной работой персонажей («идеологов» и эпизодических лиц), с которыми связан Клим Иванович Самгин в разные периоды жизни. В качестве материала для анализа целесообразно использовать вторую часть эпопеи, в которой главный герой изображен двадцатипятилетним студентом университета, погруженным в бурную жизнь интеллигентной среды, – во взаимоотношениях с десятками молодых людей – сверстников, различных политических взглядов – от радикально настроенных студентов университетов до профессиональных революционеров, руководителей марксистских кружков, молодых представителей журналистской среды и др. Во второй части эпопеи «Жизнь Клина Самгина (Сорок лет)» наиболее рельефно актуализируются жанровые черты такой модификации романной формы, как «роман идей».

1.2. Методология исследования. В работе использован биографический метод, в комплексе с историко-литературным, типологическим и методами изучения интертекстуальных связей. *Теоретической базой* служат труды М. М. Бахтина [1], а также новейшие работы по актуальным проблемам горьковедения. Кроме базовой концепции диалогизма М. М. Бахтина, данное исследование учитывает важное направление в изучении романа М. Горького в 2000-е гг. В частности, можно указать идеи О. К. Оляндер в интерпретации поэтики произведения: «горьковскую художественно-философскую модель русской жизни в романе “Жизнь Клима Самгина”» [9, 719–728]. Оляндер отмечает: «Поэтика романа «Жизнь Клима Самгина» такова, что она способна расширять, углублять, заставлять, «дышать» диалогическое пространство духовной жизни России» [9, 727].

1.3. Автобиографическое начало. М. Горький сосредоточился на судьбе личности в ее взаимодействии с временем, исторической эпохой. Во эпопее присутствуют автобиографические моменты. Биографы отмечают революционную активность молодого А. М. Пешкова (Горького) в период его бытности «в людях», начиная с 18 лет. М. Голубков пишет: «С 1886 г. работает в Казани в крендельном заведении и булочной А. С. Деренкова, которая именовалась в жандармском управлении «местом подозрительных сборищ учащейся молодежи», знакомится членами первых марксистских кружков, читает книгу Г. В. Плеханова «Наши разногласия». Казанский период для Горького – время идейных исканий, самообразования и первых опытов пропагандистской работы среди рабочих Казани» [10, 212]. В начале XX века М. Горький изобразил интеллигентов («Дачники», 1904; «Дети солнца», «Варвары», 1905), при этом он запечатлел «расслоение интеллигенции, острую борьбу социальных, этических, эстетических идей в их среде» [10, 213]. Отмечена оппозиционность А. М. Пешкова – точка зрения будущего писателя противопоставлена представлениям народников: они говорили «об интеллигенции как единой по своему составу сверхклассовой группе...» [10, 213].

1.4. «Роман идей»: «диапазон» дискуссий. М. Горький воплощает замысел «романа идей» во второй части эпопеи, включая в повествование диалоги молодых интеллигентов из окружения Клима Самгина. «Смыслообразующей» является функция Самгина (О. К. Оляндер): «Эта функция заключалась в том, что Клим создавал диалогическое напряжение, возникающее в результате столкновения разных мировоззренческих позиций, внося присвоенные себе мысли людей, не входящих в посещаемые им салоны» [9, 726] Повествуя

о жизни двадцатипятилетнего Самгина, писатель воспроизводит дискуссии, ведущиеся в его интеллигентном кругу. В тексте дискуссий присутствуют три временных плана: в настоящем времени образ интеллигенции предстает в контексте высказываний различных персонажей на современные политические, социальные, этические и эстетические темы времени; время прошедшее – в контексте размышлений об истории, культуре прошлого – от источников (фольклор, миф) до современности (то есть до эпохи рубежа XIX–начала XX вв.). Контекст будущего времени создается в ходе горячих споров интеллигентов о народном счастье, судьбе России, о миссии русской интеллигенции в подготовке и свершении революции. «Диапазон» дискуссий значителен: представлено множество точек зрения – журналистов, учителей, преподавателей университетов, студентов, историков, профессиональных революционеров-марксистов, книгоиздателей, редакторов провинциальной и центральной прессы. Картина действительности создается благодаря широкой географии эпопеи – жизнь провинций Российской империи, старинных волжских городов, холодной Финляндии, столичная жизнь – в Петербурге и Москве.

В центре дискуссий – теория марксизма в его современном состоянии. Взгляды марксистов противостоят точке зрения интеллигентов-«народников». На пересечении разнообразных суждений рождается «линия истины» – два полюса (концепции) в потоке высказываний. В «концентрированном» виде определение современному марксизму дает редактор провинциальной газеты. Самгин готовит статью о выставке в Нижнем Новгороде. В присутствии Клима Ивановича о молодых революционерах редактор говорит так: «марксисты – это квазиреволюционеры без любви к народу» [6, 10]. В последних словах звучит характерный мотив «любви к народу». «Любовь к народу» – константа и «критерий», с помощью которого идентифицируют интеллигента (заявлена проблема «национальной идентичности» [2]).

Дискуссия продолжается за стенами редакции во время дружеской беседы фельетониста Робинзона и Самгина. Идея самоотречения революционера ради народного счастья преподносится как проявление максимализма. В диалоге с Климом, во время которого Самгин иногда произносит короткие фразы, фельетонист Робинзон рассуждает последовательно, критически остро «нападает» на поколение Самгина, ожидает и постоянно изучает реакцию Клима на тот или иной тезис. Робинзон практически формулирует «миссию» поколения молодежи рубежа XIX–XX вв.: «Интересно, что сделает

ваше поколение, разочарованное в человеке? Человек-герой, видимо, антипатичен вам или пугает вас, хотя историю вы мыслите все-таки как работу Августа Бебеля и подобных ему. Мне кажется, что массы выдвигаете вы вперед для того, чтоб самим остаться в стороне. Среди вашего брата не чувствуется человек, который сходил бы с ума от любви к народу, от страха за его судьбу, как сходит с ума Глеб Успенский <...>. Помните его трагический вопль о необходимости «делать огромные усилия ума и совести для того, чтоб перестроить жизнь на явной лжи, фальши и риторике»?» [6, 13].

Интертекстуальность – главная особенность повествования в «Жизни Клима Самгина». Цитируя строки Г. И. Успенского, Робинзон проводит идею преемственности. Цитата из произведения Глеба Ивановича Успенского, кумира интеллигенции «Выпрямила (Записки Тяпушкина)», служит оппоненту для аналогии – собственной точки зрения и мысли народника Тяпушкина в его записках. Речь идет о принципах: верности интеллигента идеалам, его любви к народу, приверженности народной жизни и др.

Деятельность марксистов в кружках представлена как сектантская: интеллигенция готова изменить течение мировой истории, а между тем количество революционеров невелико. Во внутренней речи Самгина М. Горький заостряет эту специфическую особенность: «Странно было видеть, что судьбы мира решают два десятка русских интеллигентов, живущих в захолустном городке среди семидесяти тысяч обывателей, для которых мир был ограничен пределами их мелких интересов» [6, 23–24]. Постоянные в полемике темы: будущее Великого сибирского пути; выход России на берега океана; политика Европы в Китае; успехи социализма в Германии; «трансплантация политических идей Запада на русскую почву», судьба гуманизма. [6, 23–24] Круг общения Самгина разрастается: читатель следит за ходом сюжета и, столь же внимательно, за комментариями Самгина, постоянно анализирующего поступки новых и старых знакомых, и собственное поведение в той или иной ситуации. Исследователи не раз отмечали, что Клима Ивановича Самгина словно бы «отражается» в каждом собеседнике. Так, вернувшись из провинции в Москву, чтобы слушать лекции в университете, Самгин с увлечением ведет дневник: при этом он перенимает манеру фельетониста Робинзона, дает профессорам и людям своего круга «краткие характеристики» [6, 82] Привычка к рефлексии, самоанализу выработана у Клим Ивановича с раннего детства – под влиянием воспитания интеллигентных родителей, их привычки к постоянному чтению и размышлению. Новые

впечатления рожают в сознании героя новые «сценарии» поведения в сложившихся обстоятельствах. Следует вспомнить сцену в ресторане провинциального городка, когда интеллигент Самгин оказывается в среде местного купечества – богатейших людей: «Семнадцать человек сосчитал он в ресторане, всё это – домовладельцы, «отцы города», как зовет их Робинзон» [6, 60]. Вместо «благожелательного» мнения в герое рождается очередная ироническая «серия заметок» – про себя. М. Горький переходит к внутреннему монологу своего героя, предваряя привычное «Самгин думал» союзом «но»: «...следовало бы думать об этих людях благожелательно, *но* Самгин думал: «Кончу университет и должен буду служить интересам этих быков. Женюсь на дочери одного и них, нарожу гимназистов, гимназисток, а они, через пятнадцать лет, не будут понимать меня. Потом – растолстею и, может быть, тоже буду высмеивать любознательных людей. Старость. Болезни. И – умру, чувствуя себя Исааком, принесенным в жертву – какому богу?» [6, 60].

1.5 Клим Самгин в среде интеллигенции. Упоминание об «Исаке, принесенном в жертву богу», преобразуется в развернутую метафору в дальнейшем повествовании. Размышляя о сущности марксизма, главный герой констатирует смену «поколений»: «И вот: раньше хорошим тоном считалось «народничество», а ныне претендует на эту роль марксизм. Сузив понятие «народ» до понятия «рабочий класс», марксизм тоже требует “раствориться в массах”» [6, 98] Возможен ли приход Самгина к марксизму и марксистам? Герою часто приходится бывать в среде революционеров. Однако он не готов принести себя в жертву истории. Горький приводит внутренний монолог Клим о смысле истории, человеку и его времени: «В сущности, это сводится к необъяснимому желанию сделать человека Исааком, жертвой, наконец – лошадью, которая должна тащить куда-то тяжкий воз истории». [6, 98] Всё разъясняет последующее умозаключение Самгина, подытоживающее его комментарий к текущим событиям: «Он не находил в себе и силы решительно заявить: «Не хочу играть роль Исаака, найдите Барана!» [6, 99] Исследователь Е. Р. Матевосян рассматривает данную развернутую метафору в тексте Горького как символ: «Жертвоприношение Авраама» как философский символ российской истории в «Жизни Клим Самгина» М. Горького» [9, 729–738]. Точнее было бы привести целое высказывание Клим Ивановича, в котором отразились все «колебания» молодого интеллигента: Самгин находит единственное слово для обозначения критерия, которым обычно руководствуется в жизни, это слово «удобно». Смысл слова

«удобно» в каждом случае уточняется писателем. К развернутой метафоре «интеллигенция и воз истории», рожденной в голове Самгина, есть комментарий Клима: «...жить ему было бы значительно легче, удобнее, если б социалисты и противники их не существовали» [6, 99]. Клим Иванович не может определиться в политическом «взгляде», ибо колеблется между «удобно» и совестью интеллигента. Мы полагаем: именно интеллигентность как раз и не позволяет ему полностью размежеваться с марксистами. Логика размышлений (выше) такова: если Самгин открыто заявит о своем неучастии в полемике между «социалистами и их противниками», то разорвет таким образом «пуговину», которая биографически связывает его с интеллигентной средой (рождение и жизнь среди «народников»). Двойственность самгинского интеллигентного типа неизбежно (регулярно) проявляется в ситуациях нравственного выбора.

Как отмечалось, интертекстуальность пронизывает повествование. Рассмотрим диалог Томилина и Дронова на тему «миссии» молодого поколения интеллигенции, пронизанный явными и скрытыми цитатами. Обозначаются два полюса: с одной стороны, народ, низший социальный уровень (Горький пишет: «стихия зоологических инстинктов народа» [6, 25]), а с другой стороны, интеллигенция, понимаемая как элита современного общества. Томилин говорит, обращаясь к Дронову: «Вы согласны, что жизнь необходимо *образумить*? Согласны, что интеллигенция и есть голос разума?» Логически вытекающей из текста является ассоциация с концепцией XVIII столетия (культ разума), однако оппонент Дронов парирует не в русле обозначенной «европейской» (рационалистической) линии, а в русле национальной – её маркирует цитата из «Ревизора» Гоголя. Горький пишет: «От него все, – точно крысы у Гоголя, – понюхают и уходят» [6, 26]). Диалог о чуждом для России европейском опыте продолжится – уже в другой ситуации – во время встречи Клима Самгина в том же провинциальном городе с Козловым, местным историком и архивистом, библиофилом. Как обычно, Клим Иванович больше слушает, чем говорит. Старик Козлов, не принимая европейского пути, едко иронично отзываясь о А. Герцене, европейском типе духовного вождя. Горький вкладывает особый смысл в одну фразу-замечание историка Козлова: «Господину Герцену хотелось Вольтером быть» [6, 35] Диалоги об историческом пути России включают обязательный вопрос о духовном руководстве.

Мастерство Горького в воссоздании психологии главного героя состоит в наиболее объективном способе представления самгинского

типа. Поскольку Клим мало говорит – больше наблюдает, анализирует и слушает собеседников, то участникам диалога время от времени приходится «достраивать» за Клима Ивановича тот или иной тезис, по сути, акцентируя и формулируя за Самгина его позицию (точку зрения) в контексте диалога. То есть обычно Клим как бы «плывет по течению» разговора, лишь контролируя его «общее направление». Например, Козлов, не знающий Клима Самгина, обращается к нему с вопросом: «Можно ли пренебречь историей?» [6, 28] При этом Козлов проговаривает собственное (объективное) наблюдение: вы «человек внимательного ума» [6, 28] Клим Иванович молчит, следовательно, соглашается с мнением старичка-историка.

В диалоге с радикально настроенными людьми Климу Самгину гораздо сложнее – ему приходится формулировать собственную позицию под «натиском» того или иного героя-идеолога. Особенно интересны в этом отношении разговоры Самгина с марксистом Кутузовым. Степан Кутузов выступает против народнической идеологии, переживающей кризис в уже в 1880-е годы. Клим представляется ему приверженцем идеалов предыдущего поколения интеллигенции. Горький воспроизводит кульминационный момент общения:

«<...>– Значит, вы всё с народниками путаетесь?

– Не путаюсь, а – изучаю, – сказал Клим, уже раскаиваясь в словоохотливости своей.

– Жития маленьких протопопов Аввакумов изучаете. Бросьте. Всё это – не туда.» [6, 43]

Революционность Кутузова требует новой – твердой марксистской позиции. Вспомним высказывание редактора газеты: «марксисты – это квазиреволюционеры без любви к народу» [6, 10]. Отталкиваясь от идеологии старшего поколения интеллигентов, марксисты совпадают с «народниками» в одном – в максимализме (и утопизме). Кутузов говорит: «Необходим героизм на всю жизнь, героизм чернорабочего, мастерового революции. Если вы на такой героизм не способны – отойдите в сторону» [6, 43]. Наблюдающий за собеседником Клим про себя подмечает: «Возмутительно самоуверен.» [6, 43] Кроме самоуверенности, марксист Кутузов демонстрирует полное безразличие к теме «русского национального исторического пути», хотя и признает некую «поэзию» в национальном начале. Кроме того, важная деталь – Степан Кутузов во время диалога смотрит поверх головы собеседника (то есть как бы «мимо» Клима Ивановича – в окно). Национальная специфика в пылу спора оказывается «свалена в кучу» неких

предметных признаков русскости. Горький, воспроизводя речь одного из героев, пишет: «Особенности национального духа, община, свирели, соленые грибы, паюсная икра, блины, самовар, вся поэзия деревни и графское учение о мужицкой простоте – все это, Самгин, простофильство...» [6, 43]. Диалог выстроен филигранно: автору удается емко развернуть марксистскую логику, в равной степени оппозиционную и позиции Л. Н. Толстого, и к идеологии народников. Тотальная ирония пронизывает речь Кутузова, последнее произнесенное слово «простофильство» не только оценочное, но и открывающее другие темы – брошен камень в огород славянофилов (ассоциативно – «славянофильство»).

«Смыслы» диалогов во второй части «Жизни Клима Самгина» «разворачиваются» в реальность и проясняются. Симптоматично, что утопический пафос «общих разговоров» Самгина и интеллигентов распространяется на повседневную жизнь. Так, в диалоге Клима с Иноковым неожиданно и весьма отчетливо звучит мотив *чуда*. М. Горький воссоздает речь Инокова: «Смотрю, как там казармы для артиллеристов строят <...>. Смотрю и думаю: наверное, люди когда-нибудь устанут от мелких, подленьких делишек, возьмутся всей силой за настоящее, крупное дело и – сотворят *чудеса*.

– Вавилонскую башню? – спросил Клима.

– Неплохо было затеяно, – сказал Иноков <...>» [6, 48].

На следующей странице М. Горький описывает трагическое событие – внезапное обрушение казарм по причине инженерной ошибки, по недосмотру строителей: «...Самгин лишь тогда понял, что стена разрушается, когда с неё, в хаос жердей и досок, сползавший к земле, стали прыгать каменщики...» [6, 49]. Диалог с Иноковым, с упоминанием Вавилонской башни, проецируется на сцену обрушения артиллерийских казарм, то есть в миллионный раз действительность не согласуется с умозрительными построениями интеллигентов – строителей будущего. Этой проекции автору недостаточно. После трагедии с разрушением казарм, гибелью людей, Самгин возвращается в дом своих друзей. Жизнь течет всё в том же тихом русле: Елизавета Спивак занимается подготовкой учеников-гимназистов – читает лекцию по современной литературе и комментирует строки стихотворения А. Рембо. М. Горький изображает Е. Спивак сквозь восприятие Самгина: «Как врет, – подумал Самгин, хотя понимал, что она только упрощает» [6, 54]. Глагол «врать» у Клима Ивановича может означать «выдумывать». С искусственностью, «выдумыванием» герой сталкивался

М. Л. Бедрикова

ещё в раннем детстве – в семье, где близкие часто произносили: «выдумай» что-нибудь сам.

Заключение. М. Горький изобразил русский мир на рубеже XIX–XX вв. в его цельности и осмыслил роль русской интеллигенции в истории России этого периода. Воссоздание «хода» русской истории в эпопее «Жизнь Клима Самгина (Сорок лет)» осуществляется «сквозь» сознание главного героя, через воссоздание психологии самгинского типа, изображенного в родственной ему – интеллигентной среде. Для русской интеллигенции рубежа веков характерно отчетливое понимание и осознание собственной «миссии» в революционную эпоху. Полагаем: насыщенность повествования интертекстуальными приемами (цитаты, реминисценции, аллюзии и др.), диалогизм повествования, наблюдаемый во второй части «Жизни Клима Самгина» (и в других частях эпопеи), помогает автору создать атмосферу переживаемой «рубежной» эпохи как особого времени рождения идей. В последующих частях эпопеи читатель получает возможность через восприятие Самгина наблюдать за трансформацией, эволюцией данных идей, а также за реализацией их в российской действительности. М. Горькому удастся художественно воссоздать уникальную интеллектуальную среду, непрерывно порождающую идеи, подвергающую их анализу непосредственно – в процессе непрекращающейся полемики персонажей. В разные периоды жизни наблюдателем дискуссий русских интеллигентов и активным интерпретатором высказываемых ими идей и мнений становится главный герой – Клим Иванович Самгин.

Литература

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Москва: Художественная литература, 1975. 504 с.
2. Бедрикова М. Л. Русская литература и музыка на рубеже XX-XXI вв.: к вопросу о национальной идентичности // *Libri Magistri*. 2018. С.87–91.
3. Вайнберг И. Горький, знакомый и незнакомый // Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. Москва: Советский писатель, 1990. С.3–74.
4. Голубков М. М. Русская литература XX в.: После раскола: Уч. пособие для вузов. Москва: Аспект Пресс, 2001. 267 с.
5. Горький М. Собрание сочинений: в 16 т. / сост. и общая ред. Н. Н. Жегалова. Москва: Изд-во «Правда», 1979. Т. 11: Жизнь Клима Самгина (Сорок лет): повесть. 576 с.

6. Горький М. Собрание сочинений: в 16 т. / сост. и общая ред. Н. Н. Жегалова. Москва: Изд-во «Правда», 1979. Т. 12: Жизнь Клима Самгина (Сорок лет): повесть. 670 с.
7. Горький М. Собрание сочинений: в 16 т. / сост. и общая ред. Н. Н. Жегалова. Москва: Изд-во «Правда», 1979. Т. 13: Жизнь Клима Самгина (Сорок лет): повесть. 400 с.
8. Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. Москва: Советский писатель, 1990. 400 с.
9. Максим Горький: pro et contra, антология. Современный дискурс / Составители: О. В. Богданова, В. Т. Захарова, Л. А. Спиридонова, М. Г. Уртминцева. Санкт-Петербург: РХГА, 2018. 880 с.
10. Русские писатели. Биобиблиогр. Словарь: в 2 ч. Ч. I. А – Л / Редкол.: Б.Ф. Егоров и др.; под ред. П.А. Николаева. Москва: Просвещение, 1990. 432 с.
11. Фаритов В. Т. Воля к власти и субъект в художественной прозе М. Горького (нищанские мотивы повести «Жизнь Клима Самгина») // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 62. С. 262–277.
12. Фокин А. А. И. Сургучев и Горький: проблема взаимоотношений писателей сквозь призму православного литературоведения // Максим Горький: pro et contra, антология. Современный дискурс / Составители: О. В. Богданова, В. Т. Захарова, Л. А. Спиридонова, М. Г. Уртминцева. Санкт-Петербург: РХГА, 2018. С. 329–342.
13. Ханов В. А. Аллюзии inferнального в создании образа ночлежки в драме М. Горького «На дне» // Максим Горький: pro et contra, антология. Современный дискурс / Составители: О. В. Богданова, В. Т. Захарова, Л. А. Спиридонова, М. Г. Уртминцева. Санкт-Петербург: РХГА, 2018. С. 607–613.
14. Шуган О. В. «Золотой сон» и нирвана: отражение буддийских идей в пьесе М. Горького «На дне» // Максим Горький: pro et contra, антология. Современный дискурс / Составители: О. В. Богданова, В. Т. Захарова, Л. А. Спиридонова, М. Г. Уртминцева. Санкт-Петербург: РХГА, 2018. С. 589–613.
15. Эткинд А. М. Горький и Безбедов: подтекст «Серебряного голубя» в «Климе Самгине» // Максим Горький: pro et contra, антология. Современный дискурс / Составители: О. В. Богданова, В. Т. Захарова, Л. А. Спиридонова, М. Г. Уртминцева. Санкт-Петербург: РХГА, 2018. С. 747–776.

REFERENCES

1. Bahtin M. M. Voprosy literatury i ehstetiki. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1975. – 504 p.
2. Bedrikova, M. L. Russkaya literatura i muzyka na rubezhe XX—XXI vv.: k voprosu o nacional'noj identichnosti // Libri Magistri. Iss. 5. 2018. Pp. 87—91.
3. Vajnberg I. Gor'kij, znakomyj i neznakomyj // Gor'kij M. Nesvoevremennye mysli: Zametki o revolyucii i kul'ture. Moscow: Sovetskij pisatel', 1990. Pp. 3–74.
4. Golubkov M. M. Russkaya literatura XX v.: Posle raskola. Moscow: Aspekt Press, 2001. 267 p.
5. Gor'kij M. Sobranie sochinenij: v 16 t. / sost. i obshchaya red. N. N. Zhegalova. Moscow: Izd-vo «Pravda», 1979. T. 11: Zhizn' Klima Samgina (Sorok let): povest'. 576 p.
6. Gor'kij M. Sobranie sochinenij: v 16 t./ sost. i obshchaya red. N. N. Zhegalova. Moscow: Izd-vo «Pravda», 1979. T.12: Zhizn' Klima Samgina (Sorok let): povest'. 670 p.
7. Gor'kij M. Sobranie sochinenij: v 16 t./ sost. i obshchaya red. N. N. Zhegalova. Moscow: Izd-vo «Pravda», 1979. T.13: Zhizn' Klima Samgina (Sorok let): povest'. 400 p.
8. Gor'kij M. Nesvoevremennye mysli: Zametki o revolyucii i kul'ture. Moscow: Sovetskij pisatel', 1990. 400 p.
9. Maksim Gor'kij: pro et contra, antologiya. Sovremennyj diskurs / Sostaviteli: O. V. Bogdanova, V. T. Zaharova, L. A. Spiridonova, M.G. Urtminceva. Sankt-Peterburg: RHGA, 2018. 880 p.
10. Russkie pisateli. Biobibliogr. Slovar' [V 2 ch.]. Ch. I. A – L / Redkol.: B.F. Egorov i dr.; pod red. P.A. Nikolaeva. Moscow: Prosveshchenie, 1990. 432 p.
11. Faritov V. T. Volya k vlasti i sub"ekt v hudozhestvennoj proze M. Gor'kogo (nicsheanskije motivy povesti «Zhizn' Klima Samgina») // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2019. № 62. Pp. 262–277.
12. Fokin A. A. I. Surguchev i Gor'kij: problema vzaimootnoshenij pisatelej skvoz' prizmu pravoslav'nogo literaturovedenija // Maksim Gor'kij: pro et contra, antologija. Sovremennyj diskurs / Sostaviteli: O. V. Bogdanova, V. T. Zaharova, L. A. Spiridonova, M. G. Urtminceva. Sankt-Peterburg: RHGA, 2018. Pp. 329–342.
13. Hanov V. A. Alljuzii infernal'nogo v sozdanii obraza nochlezhki v drame M. Gor'kogo «Na dne» // Maksim Gor'kij: pro et contra, antologija. Sovremennyj diskurs / Sostaviteli: O. V. Bogdanova, V. T. Zaharova, L. A. Spiridonova, M. G. Urtminceva. Sankt-Peterburg: RHGA, 2018. Pp. 607–613.

14. Shugan O. V. «Zolotoj son» i nirvana: otrazhenie buddijskih idej v p'ese M.Gor'kogo «Na dne» // Maksim Gor'kij: pro et contra, antologija. Sovremennyj diskurs / Sostaviteli: O. V. Bogdanova, V. T. Zaharova, L. A. Spiridonova, M. G. Urtinceva. Sankt-Peterburg: RHGA, 2018. Pp. 589–613.

15. Jetkind A. M. Gor'kij i Bezbedov: podtekst «Serebrjanogo golubja» v «Klime Samgine» // Maksim Gor'kij: pro et contra, antologija. Sovremennyj diskurs / Sostaviteli: O. V. Bogdanova, V. T. Zaharova, L. A. Spiridonova, M. G. Urtinceva. Sankt-Peterburg: RHGA, 2018. Pp. 747–776.

ABOUT THE GENERATION`S MISSION OF RUSSIAN
INTELLIGENCE OF THE END OF XIX – BEGINNING
OF XX CENTURY (M. GORKY “THE LIFE OF KLIM SAMGIN”)

M. L. Bedrikova

Assistant Professor, Candidate of Sciences (Philology), Department of Linguistics and Study of Literature, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia)

Abstract

The article is devoted to actual problem of Russian literary criticism at the turn of the 20th — 21st centuries – the modern reading of M. Gorky`s “The Life of Klim Samgin”, which is final work of classic of Russian literature of the XXth century. The reconstruction of “course” of Russian history allowed the writer to depict the Russian world at the turn of the XIXth and XXth centuries in its integrity and comprehend role of the intelligentsia in the history of Russia. The object of analysis is M. Gorky`s epic “The Life of Klim Samgin (Fourty years)”, which was created by writer in 1927–1936 years. The analysis is carrying out in the aspect of the “mission” of Russian intelligentsia of the turn of century in depiction of M. Gorky, the awareness own historical role of young generation in revolutionary era. The author of this article hypothesizes: the reflecting type of hero-intellectual (Samgin) dictated to writer a special way of narration and principles of organization of epic “The Life of Klim Samgin”: the booklore, intertextual techniques. The reader can observe the transformation, evolution of characters` ideas through Samghin`s perception. Methodology of this article: the author uses a complex of biographic, historical, literary and typological methods in combination with methods for studying intertextual connections.

Keywords: Russian literature of XXth century, M. Gorky, «The Life of Klim Samgin», Russian intelligence

Получена 20.02.2020